

ПРАВОВАЯ ЭСТЕТИКА, ИЛИ ПРАВО КАК ИСКУССТВО

Аннотация. Статья посвящена проблеме эстетики в праве, которая в настоящее время находится в упадке, что проявляется в господствующем воззрении о доминировании юридического содержания над формой. Обозначаются возможные причины и последствия этого явления, констатируется необходимость его преодоления. В этих целях намечаются контуры новой междисциплинарной прикладной области, изучающей эстетику в праве. Обосновывается, что эстетические качества в юриспруденции оцениваются применительно к тексту, содержащему правовую информацию, и всему, что способствует его пониманию, включая различные визуализации. В общих чертах описываются задачи, предмет, метод правовой эстетики, характеризуется соотношение данной дисциплины с юридической техникой и другими существующими предметами. Указывается на связь правовой эстетики с философией дизайн-мышления и формирующимся на ее основе направлением юридического дизайна в западной юриспруденции.

Ключевые слова: правовая эстетика, юридический дизайн, сервис-дизайн, юридическая техника, юридическое письмо.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.113-120

D. O. SHNIGER,

Senior Lecturer at the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Associate Professor at the School of Private Law of the National Research University «Higher School of Economics», Cand. Sci. (Law), Attorney at Law
shniger@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LEGAL AESTHETICS, OR THE ART OF THE LAW

Abstract. The author focuses on the legal aesthetics dilemma, which appears in the dominant sense that the legal content prevails over the legal form. Some possible reasons and consequences of the aesthetical crisis are considered. The article offers the way to overcome that crisis. To this end the author outlines the new interdisciplinary field of legal studies called legal aesthetics. According to the author's opinion the aesthetical criteria shall be applied primarily to the legal text and also to all the tools, such as visualisations, which make it more comprehensible. The key issues of the new discipline are scrutinized, such as objectives, subject, method and relations with other legal studies, such as legal technique. The author shows the connection between the legal aesthetics and legal design, arising within philosophy of design-thinking.

Keywords: Legal aesthetics, legal design, service-design, legal technique, legal writing.

**Дмитрий Олегович
ШНИГЕР,**

старший
преподаватель кафедры
предпринимательского
и корпоративного
права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), доцент
департамента
дисциплин частного
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук, адвокат
shniger@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Д. О. Шнигер, 2020

В юридической работе мы привыкли уделять внимание в первую очередь содержанию правовой информации. Норму права мы отождествляем с правилом, которое в ней заключено. Нас заботит, какой смысл сосредоточен в этом правиле, отвечает ли оно требованиям адекватности, эффективности, непротиворечивости. Исследовательская работа — будь то студенческий диплом или монография ученого — также оценивается по «начинке». Актуальна ли она, всесторонне ли раскрывает предмет, содержится ли в ней что-то новое? Содержательность на первом плане и в реализации права. «Что я хочу сказать?» — главный вопрос, когда мы думаем над текстом документа. Во всех примерах мы имеем дело с внутренней стороной права. Что же с его внешней стороной?

Мы часто жалуемся, что документы — конечно же, чужие — плохо (сложно, длинно, громоздко, сумбурно, с ошибками) написаны. Но дальше сетования дело не идет. Ведь «украшательством» и зачастую даже вычиткой заниматься, кажется, нет времени, да и не юридическая это работа. Главное — смысл; кому надо, тот поймет.

Красота — юридических конструкций и словесной формы их закрепления — то, что принесено в жертву ради экономии времени. Количество правовой информации, ее сложность и скорость, с которой она циркулирует, обычно не оставляют времени на то, чтобы заняться ее неприглядным внешним видом и что-либо исправить.

Да, жизнь вокруг бурлит. Но наша, юристов, задача — следить, чтобы при этом не испарялись смыслы. Вместо этого мы сами подогреваем энтропию юридических текстов. Приведу примеры из области образования: выпуск в свет «сырых» диссертаций (разного уровня), потому что ни у кого не нашлось времени прочитать текст либо желания «усложнять», требуя доработки; традиция издания свежее испеченными кандидатами наук нередатируемых монографий, в которых потом «тонут» студенты; непреходящий тезис на защиту: дополнить закон каким-нибудь точечным определением или микроскопическим уточнением, которое никого, кроме автора, не заботит; поступив на государственную службу, вчерашние «исследователи» продолжают творить право в том же духе, вовремя никем не раскритикованном.

Статья написана не с целью опорочить юридическую действительность, но надо понимать, что мы по собственной вине тратим чрезвычайно много времени на создание и, соответственно, изучение ненужной юридической информации. Это время можно было бы с пользой потратить на приведение в надлежащий вид имеющегося материала или того минимума дополнений, которые абсолютно необходимо в него внести. Поэтому оправдание запущенного образа права тем, что очень велик его объем, — никуда не годится.

Что мы имеем в итоге?

Это глубокий вопрос, ответ на который в том числе призвана дать специальная дисциплина, контуры которой намечены в данной статье. Здесь же можно привести примеры. Так, согласно исследованию «Оценка сложности языка законов» (НИУ ВШЭ, 2020)¹ язык законов становится с каждым годом все более сложным,

¹ На момент подготовки статьи отчет только анонсирован (см.: Нельзя понять: российские законы сложнее произведений Льва Толстого и Иммануила Канта // URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/350398575.html> (дата обращения: 27.04.2020)).

причем эта сложность часто является избыточной. По индексу синтаксической сложности, разработанному авторами исследования и учитывающему долю глаголов, расстояние между зависимыми словами и другие параметры, язык права в разы отличается от литературного русского.

Другое исследование, «Решения арбитражных судов Российской Федерации: лексическое и синтаксическое качество текстов» (Институт проблем правоприменения, 2019)², показывает, что метрики читаемости у арбитражных решений еще хуже, чем у законов.

По частным деловым документам пока нет эмпирического исследования, поэтому придется использовать анекдотический случай из истории. Петр Первый велел писать судебные прошения по пунктам, чтобы дело излагалось логически, без примеси не относящихся к нему обстоятельств. Но подьячие «стали писать по пунктам все, что взбредет им в голову, — и суд ничего не может сделать: форма соблюдена»³. Не похоже ли это на современную ситуацию, когда внешний вид юридической работы исчерпывается в лучшем случае структурой, да и та обычно совпадает с порядком возникновения мыслей в голове автора?

В итоге мы пришли к эстетическому кризису в юриспруденции. Право близко к тому, чтобы лишиться присущей ему красоты и возвышенности; юриспруденция отяжелела, стала недружелюбной. «Что я хочу сказать?» — выпячивает это самое «я» и угнетает читателя. А ведь о нем бы следовало думать в первую очередь, ведь «даже правда и искренность в устах неразвитого и неискусного человека могут казаться оскорбительными и не только казаться, но и быть такими»⁴: такая ценность истинных, но неловко изложенных мыслей.

Выразимся предельно просто: суть проблемы заключается в том, что новое поколение юристов уже не понимает, как красиво выражать юридические мысли.

Пренебрежительное отношение к форме всего юридического чревато губительными для правопорядка последствиями, начиная от падения уровня правовой грамотности населения и заканчивая произвольным толкованием права, когда текст нормы и ее разъяснение противоположны⁵.

Представляется, что форма права незаслуженно предана забвению. Ведь первое, что мы видим, это как раз форма. Она должна быть безупречна, и тогда проще работать с содержанием. Репатриацией эстетического начала в юриспруденцию должна заняться специальная дисциплина — правовая эстетика. Поскольку для юриста и предмет, и орудие труда — слово, постольку под эстетикой в праве надо понимать красоту юридического текста и всего, что способствует

² Решения арбитражных судов Российской Федерации: лексическое и синтаксическое качество текстов // URL: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/readability_commercial_courts.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

³ Гессен В. История русской адвокатуры. Самара : Арт Презент, 2013. Т. 1. С. 19.

⁴ Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. СПб. : Сенатская типография, 1911. С. 29.

⁵ См., например, п. 2 и 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (СПС «КонсультантПлюс») о том, что императивная норма может признаваться диспозитивной, а диспозитивная — императивной (оценивается не справедливость подхода, а сам принцип).

его пониманию, а именно различных визуализаций (таблицы, схемы, графики, презентации, инфографика и т.д.).

Разумеется, речь не идет о том, чтобы вообще пустить форму вперед содержания — такое понимание моей идеи следует решительно пресечь. Тут как в конкурсном праве — непрямолинейно. Есть очереди с подочередьями и внеочередное из очередей. Работая над содержанием, всегда надо представлять себе форму результата, при этом на каждом этапе работы нужно давать себе труд на время забыть о содержании и подумать только о форме. И не только на заключительном этапе «оформления», как мы привыкли. Работа по созданию любого юридического документа должна начинаться и заканчиваться с представления о том, каким будет результат в глазах адресата.

Эстетический подход может встретить то возражение, что он поощряет избыточное внимание к внешнему и небрежение к внутреннему. С одной стороны, это не так, поскольку эстетика возникает только там, где есть содержание, а где ничего нет по сути — там ничего красивого быть не может по определению. С другой стороны, эстетика в праве избыточна настолько, насколько избыточна любая другая эстетика.

Мы идем на балет, чтобы получить эстетическое наслаждение. Перед тем как выйти на сцену, хороший артист оттачивает каждое движение не только тела, но даже лица. В собственной же профессии мы позволяем себе работать небрежно: писать, как думается, или же просто нагромождать заимствованные фрагменты — из норм, практики, литературы или собственных наработок; забывать главную мысль; злоупотреблять левгемизмами⁶; не уважать время читателя; пренебрегать грамматикой. Этим мы сами себя лишаем удовольствия, которое могли бы получать от чтения: новых книг, законов, других документов.

Текст — это все для юриста, и шлифовать его надо с такой же тщательностью, как репетирует артист. В противном случае право вязнет в горах сырья, дублей и полуфабрикатов, имитирующих готовые изделия, и буксует на пути к цели. Вместо того, чтобы вместе спорить против зла и несправедливости, мы спорим друг с другом о пустом. В условиях избытка правовой информации необходимо прекратить наращивать ее объем и обратить внимание на качество — и не в последнюю очередь, как было сказано выше, на эстетическое качество, обеспечивающее комфорт и внутреннее удовлетворение при работе с этой информацией.

Таким образом, эстетический подход в праве нельзя обосновать утилитарно, как нельзя однозначно сказать, зачем ходить в театр, вкусно питаться, красиво одеваться и т.д. Человек — в первобытном состоянии — проживет и без всего

⁶ Левгемизм — единица речи, замещающая прямое изложение мысли на не прямое с целью ухода от правовых рисков (см.: *Осадчий М. А.* Русский язык в судебном процессе. М.: URSS, 2020. С. 179—217). Например, когда Верховный Суд РФ вместо того, чтобы прямо назвать отсутствие денег у ресторана в период пандемии форс-мажором, приводит это как пример ситуации, описывающей исключение из правила (см. вопрос 7 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс»).

этого. Эстетические критерии в праве — это требования иного порядка, они формально не регламентированы, не всегда могут быть объективно доказаны, чем, вероятно, и объясняется достаточно тяжелое восприятие этих правил юристами⁷.

Пример: нигде в законе не написано, что в дефиниции надо использовать тире, а не дефис; если так, то зачем совершать лишние телодвижения, зажимая клавишу Control для перевода дефиса в тире, ведь все и так понятно. И это недоделанное тире становится символом того, как условный юрист, рассуждающий подобным образом, вообще выполняет свою работу.

Эстетика в праве — это, разумеется, не просто текст без ошибок. Красивый текст, как букет, имеет гармоничную композицию (структуру), он подходит к поводу (юридической ситуации), где будет представлен. Это текст, в котором используются элегантные обороты, стилистически правильно подобранные слова. Его не только приятно, но и не скучно читать — в нем автор применяет достижения теории права и теории аргументации: отсылки и символы, примеры и аналогии используются ловко и к месту. Это безупречно отформатированный текст, который сам управляет вниманием читателя и тем скорее доносит до него свое послание.

Это текст нужной длины. «Бритва Оккама» нужна, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно» (Н. Некрасов). Однако нельзя утверждать, что сокращение текста должно быть самоцелью⁸. Сказать надо по-другому: юрист — тот, чье слово имеет вес, и кто придает словам большое значение. Этим, а не длиной, определяется качество текста. Правовая эстетика должна бороться не с длинными текстами, а с юридическим пустословием.

Могут сказать, что предлагаемая дисциплина ничем не отличается от юридической техники. Действительно, весь ассортимент средств эстетического оформления правовых изысканий уже имеется, надо «только» собрать их воедино и толково объяснить. В некотором смысле предлагаемую дисциплину можно было бы охарактеризовать как модернизированную юридическую технику. Многие темы (например, о юридических дефинициях и классификациях, структуре документов) пересекаются. Тут надо вспомнить, что именно в «Юридической технике» Р. Иеринга описан «закон юридической красоты»: совершенная юридическая конструкция непременно красива, она художественна, хотя несоблюдение этого требования само по себе и не превращает конструкцию в ложную⁹.

⁷ И все же скептикам можно заметить: в результате опроса судей арбитражных судов выяснилось, что более трети опрошенных придают значение форматированию документов, представляемых сторонами, более четверти — содержащимся в этих документах ошибкам в русском языке (см.: Как написать иск, чтобы заручиться поддержкой судьи до заседания // Юрист компании. 2016. № 11. С. 22—28).

⁸ Многие слишком буквально восприняли призыв «Пиши, сокращай», являющийся заглавием популярной книги (см.: *Ильяхов М., Сарычева Л.* Пиши, сокращай : Как создавать сильный текст. М. : АП, 2017). Анализ этого явления не является предметом данной статьи, однако уместно сделать два замечания. Во-первых, книга и изложенная в ней концепция информационного стиля полезны. Во-вторых, иногда (и часто) использовать инфостиль в юриспруденции — то же, что похлопать по плечу королеву или прийти на званый ужин в ночной сорочке.

⁹ *Иеринг Р.* Юридическая техника. М. : Статут, 2008. С. 101—103.

Вместе с тем юридическая техника, как она изложена в существующих учебниках, устарела и неэффективна, как можно судить по состоянию положительного юридического материала, речь о чем шла выше. Некоторые темы юридической техники (например, правила опубликования правовых актов) не интересуют эстетику, которая при этом включает много вопросов, выходящих за рамки классической техники (например, схематизация).

То же стоит сказать о юридическом письме, которое по западному образцу преподается в некоторых вузах. Это очень узкий предмет. Нельзя научиться писать, не читая и не слушая. Эстетика обеспечивает не только производство юридического письма, но и его восприятие. Чувство прекрасного нуждается в тренировке, необходима насмотренность, а она может сформироваться только путем интенсивного чтения высококачественной в художественном отношении юридической литературы.

Кроме того, представляется напрасным разделение юридического письма и риторики. Теперь не те времена, когда ведутся устные дебаты и прения, и основная точка приложения силы риторических приемов — письменный текст, который юрист, однако, должен уметь грамотно презентовать. Последнее «цепляет» визуализацию правовой информации — она не изучается ни техникой, ни письмом.

Совсем уж специальными являются юрислингвистика, занимающаяся анализом юридического языка главным образом для целей судебной экспертизы, и нормарайтинг, направленный на обучение правотворческой работе¹⁰. Правовая эстетика, напротив, универсальна — нужна для написания и законопроекта, и диссертации, и правового заключения.

По существу, речь идет о междисциплинарной области, включающей, помимо перечисленного (теория права, логика, юридическая техника, риторика, лингвистика), также элементы правовой аналитики, схемотехники, типографики, информатики, медиаэкологии, документоведения.

На первый взгляд, приведенный набор компонентов не складывается в единое целое под названием «эстетика». Казалось бы, какое отношение к эстетике имеет требование учитывать при выполнении юридической работы ожидания конкретного пользователя. Замешательство проходит, если придерживаться научного значения термина «эстетика», которое гораздо шире его бытового понимания. Существуют разные виды эстетики, например эстетика труда, техническая эстетика. Последняя, в частности, реализуется в промышленном дизайне, под которым понимается не только собственно оформление, но и конструкция

¹⁰ Последняя дисциплина пока существует лишь в проекте (см.: *Баранов В. М.* Нормарайтер как профессия // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2017. № 6. С. 16—29). Ей близки идеалы правовой эстетики: «Правотворческая политика... требуется для выстраивания непротиворечивого... правотворческого процесса, для внесения в него системности, юридической точности и красоты» (*Малько А. В., Трофимов В. В.* Нормарайтер как центральный субъект правовой политики // *Нормарайтер как профессия: материалы дискуссии.* М.: РГ-Пресс, 2019. С. 72). Вместе с тем в идее нормарайтинга идеалы красоты задвинуты на второй план: «... содержательность — базовый принцип техники правотворчества» (*Баранов В. М.* Указ. соч. С. 26).

изделия, обеспечивающая удобство пользования им. Так же — с позиций функциональности формы — следует понимать и эстетику в праве.

Правовая эстетика — прикладная дисциплина. Она в конечном итоге дает знание о достаточно конкретных приемах эстетической обработки правовой информации. Вместе с тем эстетика в праве имеет философские корни. Она ставит во главу угла человека — прежде всего пользователя юридической информации, но также и ее автора. Для эстетики главное — комфорт и, насколько это возможно в юриспруденции, удовольствие людей от письменной коммуникации между собой.

Глобально той же задаче служит возникшее на Западе в конце XX в. направление сервис-дизайна, посвященное совершенствованию профессиональной деятельности в какой-либо области на основе так называемого дизайн-мышления — подхода, ориентированного на перепроектирование существующих процессов либо создание новых, исходя из того, как они воспринимаются пользователями. Грубо говоря, это клиентоориентированные инновации.

В последние годы в рамках этой философии зарождается школа юридического дизайна. Маргарет Хаган из Стэнфордского университета (США) так определила задачи дизайна как метода конструирования правовой реальности: сделать систему права яснее, эффективнее, удобнее и приятнее в использовании; внедрить принципы осознанности и целенаправленности во всякую юридическую деятельность; воспитать в юристах изобретательность и чуткость к тому, как другие переживают свое столкновение с правом¹¹.

Юридический дизайн преподается в Стэнфорде и в некоторых других зарубежных вузах. Слышно о нем и у нас, однако в «авторской» интерпретации¹² и только на так называемых мастер-классах.

Но умение эстетично излагать свои мысли не является каким-то надпрофессиональным навыком из разряда тех, «чему не учат студентов». Это необходимо любому юристу, а значит, необходимо изучение правового дизайна в рамках образовательной программы, а не сверх нее. При выборе названия предпочтение, вероятно, следует отдать варианту «правовая эстетика», поскольку глубина значения иностранного слова *design* (планирование, проектирование, творчество) в русском языке неочевидна.

Так как творчество не совместимо с принуждением, лекции как форма проведения занятий не подходят, а семинары по правовой эстетике могут проводиться в формате лаборатории, студии или мастерской, что подчеркивает экспериментальный характер познания материала.

В данной статье ни один из вопросов, касающихся правового дизайна как новой дисциплины — ее задачи, предмет, метод и т.д. — не раскрыт: они пока лишь обозначены. Хотелось бы, однако, надеяться, что выраженные в статье идеи

¹¹ *Hagan M.* Law by Design // URL: <https://www.lawbydesign.co> (дата обращения: 02.05.2020).

¹² См.: Яновский Р. М. Legal design: новые вызовы и новые возможности // Закон. 2019. № 5. С. 76—86. Здесь не стоит задача оппонировать автору данной статьи, однако для примера отмечу, что в России юридический дизайн почему-то рассматривается в рамках технологического подхода (Legal Tech), однако связь надуманная. Напротив, как отмечает М. Хаган, юридический дизайн является параллельным и автономным от технологий путем совершенствования юридической действительности.

найдут отклик и поддержку у коллег, что стимулирует дальнейшую разработку эстетического направления в праве и его претворение в жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баранов В. М.* Нормарайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6. — С. 16—29.
2. *Гаррис Р.* Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. — СПб. : Сенатская типография, 1911. — 280 с.
3. *Гессен В.* История русской адвокатуры. — Самара : Арт Презент, 2013. — Т. 1. — 536 с.
4. *Иеринг Р.* Юридическая техника. — М. : Статут, 2008. — 230 с.
5. *Ильяхов М., Сарычева Л.* Пиши, сокращай : Как создавать сильный текст. — М. : АП, 2017. — 440 с.
6. Как написать иск, чтобы заручиться поддержкой судьи до заседания // Юрист компании. — 2016. — № 11. — С. 22—28.
7. *Малько А. В., Трофимов В. В.* Нормарайтер как центральный субъект правовой политики // Нормарайтер как профессия : материалы дискуссии. — М. : РГ-Пресс, 2019. — С. 70—74.
8. Нельзя понять: российские законы сложнее произведений Льва Толстого и Иммануила Канта // URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/350398575.html> (дата обращения: 27.04.2020).
9. *Осадчий М. А.* Русский язык в судебном процессе. — М. : URSS, 2020.
10. Решения арбитражных судов Российской Федерации: лексическое и синтаксическое качество текстов // URL: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/readability_commercial_courts.pdf (дата обращения: 27.04.2020).
11. *Яновский Р. М.* Legal design: новые вызовы и новые возможности // Закон. — 2019. — № 5. — С. 76—86.
12. *Hagan M.* Law by Design // URL: <https://www.lawbydesign.co> (дата обращения: 02.05.2020).